

Мустафина Е. С.

(МАОУ «МЛ №1», г. Магнитогорск, Россия)

ОБУЧЕНИЕ ГРАММАТИКЕ В КОНТЕКСТЕ СОИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В области преподавания иностранных языков, как и в системе российского образования в целом, утвержден новый подход к обучению дисциплине, который призван наиболее полно отвечать потребностям каждого обучаемого индивида. Если ранее целью обучения иностранным языкам было формирование навыков и умений, необходимых преимущественно для учебной коммуникации, то сегодня на первый план выходит задача подготовки к реальному общению с представителями других культур в бытовой и профессиональной сфере. Следовательно, целью обучения в таком подходе становится формирование таких качеств языковой личности, которые могут обеспечить эффективное общение в условиях взаимодействия двух культур. «Эффективность общения выражается в достижении взаимовыгодных результатов, что, в свою очередь возможно при учете культурного компонента коммуникации» [3, 263].

Культурный компонент, в отличие от лингвистического, у каждого из участников общения, является своим, вобравшим все особенности той культурной среды, в которой формировался индивид. Язык при этом становится зеркалом культуры, в котором отражается не только реальный, окружающий человека мир, но и менталитет народа, его национальный характер, традиции, обычаи, мораль, система норм и ценностей.

Влияние культурного компонента можно проследить как в лексическом, так и в грамматическом строе языка. Взаимосвязь между культурными ценностями и грамматическим строем языка менее очевидна, чем между культурой и лексикой, но более значительна. В грамматике языка отражены глубинные процессы формирования национального характера, восприятия реальности носителем языка, его фундаментальные культурные ценности, понятия и отношения. Данный тезис нашел свое подтверждение, в том числе, и в результатах сопоставительного анализа синтаксиса английского и русского языков. Лингвистические исследования показали, что в основе двух языков лежат диаметрально противоположные культурные ценности. Поэтому при объяснении, введении, тренировке и организации продуктивного использования грамматических явлений и конструкций иностранного языка работа по исследованию их культурных значений должна вестись постоянно.

Наибольший интерес кросскультурных исследований вызывают конструкции английского языка, которые, если не учитывать культурный

компонент, могут быть использованы как прямые переводные эквиваленты конструкций русского языка, что будет являться грамматической ошибкой и признаком неосведомленности о культурных ценностях другой страны. Проведенные исследования выявили наличие таких конструкций на синтаксическом уровне двух языков, в сфере употребления повелительного наклонения и в системе времен.

Согласно синтаксической типологии языков существуют языки агентивной ориентации (к которым относится английский) и пациентивной ориентации (к которым относится русский). В английском языке мир представлен таким образом, что в нем доминирует субъект действия, управляющий событиями в мире. Русский язык представляет мир, в котором происходящие в нем события случаются помимо воли субъекта и во многом не зависят от него. Такие разные представления о месте индивида в реальном мире находят воплощение в грамматическом строе двух языков. На синтаксическом уровне это проявляется в том, что в английском языке преобладают номинативные конструкции с четкой облигаторной позицией подлежащего, например «I want., I do., I come..». В русском языке больше дативных конструкций типа «Мне нравится, кажется, хочется...». «Кроме того, в русском популярны безличные конструкции, а пассивные считаются не только нормой, но и желательной чертой письменной речи» [2, 68]. А. Вержбицкая, проводив кросскультурные лингвистические исследования английского и русского языков, сделала вывод о «доминировании ценностей активного действия, контроля над собой и своим окружением, личной ответственности и автономности личности в англоязычных культурах и ценностей пассивности, фатализма, коллективизма – в русской культуре». [1, 33] Это объясняет типичные ошибки русских студентов, начинающих изучать английский язык, например построение «Me like», являющееся калькой с русского «Мне нравится». Понимание особой роли личности, отводимой в англоязычной культуре, акцентирует внимание на «я» - составляющей и помогает формировать и автоматизировать навык употребления обязательного, чаще всего личного, подлежащего.

Употребление местоимений I (я) и we (мы) в английских и русских научных текстах служит одним из примеров проявления особенностей культуры. Употребление данных местоимений является культурно обусловленным. К такому выводу пришла болгарский ученый И. Васильева, которая провела анализ произвольной выборки научных статей по лингвистике. Объем выборки составил 300 страниц для каждого языка. Результаты статистической обработки текстов свидетельствует о том, «что число употреблений местоимения «я» в статьях на русском языке и местоимения «I» в статьях на английском языке составляет 0,5% и 69%, а местоимений «мы» и «we» - 95,5% и 31% соответственно» [6, 174]. Очевидно, что местоимение «I» доминирует в статьях на английском

языке, в то время как «я» практически отсутствует в русских статьях. И. Васильева считает, что «такие тенденции отражают особенности культуры: особую значимость автономности личности в англоязычных культурах и коллективизма – в русской» [6, 178]. В употреблении местоимения «I» проявляется усиление индивидуальной ответственности за то, что человек пишет, говорит, делает, и напротив – местоимение «мы» отстраняет говорящего от результатов им сказанного, сделанного, обезличивая субъект деятельности. Кроме того, употребляя местоимение «I», автор научных работ дает понять, что он в полной мере осознает личные обязательства по отношению к предмету обсуждения, говорит о своей причастности к описываемому, тогда как употребление местоимения «мы» в русских научных работах придает автору некий налет отстраненности по отношению к тому, о чем он пишет. Употребление местоимения «мы» также свидетельствует о славянской тенденции к скромности. При восприятии русскоговорящими английского текста, доминирование местоимения «I» может показаться высокомерным и даже оскорбительным, имплицитно нечто вроде «Я знаю все». При чтении текста носителями англоязычных культур его деперсонализация и скромная оценка автором собственной роли за счет употребления местоимения «we» может вызвать такой же эффект: позиция автора воспринимается как высокомерная.

Другим примером влияния культурного компонента на грамматический строй английского языка может служить крайне редкое употребление в нем повелительного наклонения, в отличие от русского языка, где императивные конструкции являются часто употребительными. Для русского человека увидеть таблички, гласящие «Вход запрещен!», «Не курить!», «Ходить по газонам строго запрещено!» является вполне естественным. Возможно, именно такая формулировка запрета воздействует на сознание русского человека. У носителей англоязычной культуры, напротив, императивные конструкции вызывают неодобрение, они чувствуют себя уязвленными категоричностью подобных команд. В данном случае трудность кроется в значительных культурных различиях. Как отмечалось ранее, одним из центральных понятий в культуре англоязычного общества является автономия индивидуальной личности. Воля одного человека не может быть навязана другому. «Желательность или нежелательность действий формулируется в англоязычных культурах в виде описаний, а не предписаний». [2, 70] Приведенные выше примеры использования повелительного наклонения в русском языке на английском будут передаваться следующими описательными конструкциями: «Private Property», «No smoking area», «Thank you for not smoking», «Keep off the grass». Они представляют информацию о том, как принято вести себя в конкретном месте. Решение о том, следовать предлагаемым правилам или нет, остается за индивидом. Даже в многолюдных общественных местах,

где устанавливаются довольно жесткие правила, их формулировка не включает таких слов, как «запрещено» или «строго запрещено». Вместо них будет «No parking», «No diving», подразумевающее: «Здесь не паркуются, если Вы не хотите доставить неудобство себе и другим». «Слово «запрещено» появляется только в тех случаях, когда противоположные действия сопряжены с опасностью и это всегда объясняется, например, «Petrol station. Danger. Smoking Prohibited». (Заправочная станция. Опасно. Курение запрещено). Английское слово «prohibit» ассоциируется с контролем одного человека над другим, а это уже воспринимается как вторжение в личную жизнь, как навязывание чужой воли. Это противоположно общепринятому положению о том, что правила не создаются одними людьми для того, чтобы другие им следовали; правила могут быть сформулированы отдельными людьми, но следовать им обязаны все без исключения». [5, 158; 4, 245].

Подобные ценностные ориентации проявляются и в частной жизни, в личных контактах. Так, например, жители, не желающие видеть рекламную продукцию в своих почтовых ящиках, вывешивают таблички «No junk mail, please». По российским стандартам вполне можно было бы написать что-то типа «Рекламу не бросать».

Так же формулируются заказы в кафе и ресторанах: выражения «no sugar», «no milk in my coffee, please» подразумевают: «Я обычно пью без сахара. Я не привык пить кофе с молоком». В устных обращениях друг к другу представители англоязычных культур также избегают столь распространенного в русском языке повелительного наклонения и формулируют свои просьбы и приказания в виде псевдovoпросов: «Why don't you do it?» (Почему бы тебе ни сделать этого?)

Еще одним отличием английской культуры от русской является отношение ко времени, что также нашло отражение в грамматических строях языков.

Понятие «время» (time) входит в систему базовых ценностей в англоговорящих культурах. Как говорилось ранее, центральным понятием в них является автономная активная личность, для которой важно плодотворно проводить каждую минуту своего времени. От того, как человек распоряжается своим временем зависит его успех, признание его как полноценного члена общества. Ценность времени в английской культуре проявляется в системе времен английского языка (The System of English Tenses). Как известно, каждое из трех английских времен (Present, Past, Future) разделяется на 4 временных формы глагола, например, Present Simple, Present Progressive, Present Perfect, Present Perfect Continuous. Кроме того, существует еще Future-in-the Past с теми же 4 формами глагола.

У русскоговорящих, изучающих английский язык, система времен английского языка вызывает трудности, так как в русском языке

существуют три времени – настоящее, будущее, прошедшее, причем наблюдается тенденция к слиянию будущего с настоящим, так как форма буду + инфинитив часто заменяется глаголом совершенного вида. Русским студентам очень трудно уловить разницу, например, между действием, выраженным глаголом в Present Perfect от действия, выраженного глаголом в Past Simple.

Лингвисты отмечают, что разветвленная система времен английского языка компенсирует отсутствие категории вида в нем. Однако ученые, занимающиеся кросскультурными исследованиями, считают, что в основе таких различий во временных системах английского и русского языков лежит разное отношение ко времени. Носители английской культуры дорожат временем и, разделяя его на определенные периоды, как бы увеличивают свои возможности все успеть и делают упорядоченным свой ритм жизни.

В русской культуре понятие времени более абстрактно. Для русских не столь важно, завершилось ли действие до момента речи, а может многим раньше, или еще происходит во время нее. Более важна ценность сделанного по отношению к людям, его нравственная составляющая. При этом, нельзя сказать, что русские люди не умеют распоряжаться своим временем. Дело в том, что они посвящают время тому, что считают наиболее важным, как для них, так и для других, в данный момент, откладывая другое на будущее.

Следовательно, при обучении временам английского глагола необходимо учитывать национально-культурную специфику этого грамматического явления и объяснять учащимся, какие культурные ценности английского общества нашли в нем свое отражение. Это должно способствовать формированию у учащихся речевого и неречевого поведения, адекватного английской культуре.

Итак, необходимость выработки умений культурно адекватного употребления грамматических конструкций очень актуальна, так как значения грамматических конструкций, включая культурные, более абстрактны и еще менее осознаваемы, чем лексические значения. Если при неправильном употреблении слов конкретной семантики контекст и реальное положение дел могут выявить несоответствие и, тем самым, напомнить носителю культуры об инокультурной принадлежности партнера, то при неверном использовании грамматических форм (например, гипериспользованием модальных глаголов) определить расхождение намерений и производимых эффектов очень трудно. В результате носитель культуры, как правило, упускает тот факт, что некоторые особенности речи партнера могут быть объяснены его иным видением значения употребляемых форм, и приписывают воспринимаемое значение (часто неприятное) самой личности собеседника.

Вывод заключается в том, что в особенностях грамматического строя языка проявляются культурные ценности данной среды, понимание которых обеспечит эффективность коммуникации и сократит количество смысловых, грамматических и поведенческих ошибок при межкультурном общении. Поэтому при объяснении и тренировке грамматических явлений и конструкций иностранного языка акцент должен быть сделан на их культурный подтекст.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вержбицкая, А.* Язык, культура и познание / А. Вержбицкая. – М., 1997. – 410 с.
2. *Елизарова, Г. В.* Культурологическая лингвистика (Опыт исследования понятия в методических целях) / Г. В. Елизарова. – СПб.: Изд-во «Бельведер», 2000. – 140 с.
3. *Елизарова, Г. В.* Культура и обучение иностранным языкам / Г. В. Елизарова. – СПб.: КАРО, 2005. – 352с.
4. *Павловская, А. В.* Россия и Америка. Проблема общения культур / А. В. Павловская. – М., 1998. – С. 245.
5. *Тер-Минасова, С. Г.* Язык и межкультурная коммуникация: (Учеб. пособие) / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624с. – С.150-160.
6. *Vassilieva, I.* Who am I /who are we in academic writing / I. Vassilieva //International Journal of Applied Linguistics. – 1998. – Vol. 8. – № 2. – S.163-190.